

КОННОТОНИМЫ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье представлены образцы творческого использования образного потенциала топонимов. Показана важность изучения поэтических произведений для выводов о речевых процессах и языковых механизмах формирования коннотонимов.

Ключевые слова: *образный потенциал, топопоэтоним, коннотоним.*

Актуальность темы обусловлена ростом интереса к установлению специфики природы собственного имени и его образных возможностей, а также недостаточной изученностью коннотативной сферы топонимов и топопоэтонимов. В ряду поэтонимологических исследований всегда важное место занимали и будут занимать наблюдения над функционированием топопоэтонимов в произведениях того или иного автора. **Целью** работы является изучение поэтической и стилистической роли топонимов в создании художественного образа в структуре поэтического текста.

Рассмотрим некоторые факторы, определяющие стилистический потенциал одного из наиболее известных в христианской культуре топонимов *Голгофа*. Это собственное имя скалы в окрестностях древнего Иерусалима, бывшей местом казней в Иудее, стало широко употребляться вначале в прямом, а после и в переносном значении вместе с распространением христианского предания о распятии Иисуса Христа. Начало развития коннотативных значений в этом топониме связано с употреблением имени для обозначения *любого места страдания, мучений и казни*. В художественной литературе зафиксировано огромное количество как прямых, так и переносных употреблений. Так, В. Набоков в стихотворении, повествующем о распятии Христа, использует оным в прямом значении: / *Свершилось. Казнен. С Голгофы отвалив, / Спускается толпа, вяясь между олив, / Подобно медленному змию ...* / [1: 189]. И. Грекова этим же словом обозначает стол, за которым трудится герой ее произведения: *“Стесненный, он направился к своему столу, этой ежедневной Голгофе, покинуть которую мешала гордость* (“Пороги”). Е. С. Отин этот этап оноимогенеза определяет как этап узуализации интерлингвального коннотативного топонима (УКТ₁) [2: 117].

На следующем этапе связь с понятием локализации (названием *места*) ослабевает, а перенос “направляется” в сторону факта. Начинается формирование мотивированного первичным, но все же другого значения: *‘тяжкие испытания’, ‘страдания’, ‘муки’*. Например, М. Волошин в стихотворении «Предвестия. 9 января 1905 г.» оным *Голгофа*, употребленным в роли определения, подчеркивает, с одной стороны, событийный характер описываемого, а множественным числом, с другой стороны, – неоднократность названного: / *Священный занавес был в скинни распорот – / В часы Голгоф трепещет смутный мир* / [2: 117]. Тесно связано с этим еще одно узуальное теперь использование онима *Голгофа* для обозначения *‘казни’* и *‘мученической смерти’*: / *Напрасно в годы хаоса / Искать конца благого. / Одним карать и каяться, / Другим – кончать*

Голгофой / (Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт) [2: 118]. Употребления оного *Голгофа* в художественных текстах закрепляют и развивают указанные сознания. Коннотоним в художественном тексте становится отконнотонимным поэтонимом.

Развитие семантики и поэтики широко известного собственного имени в художественной литературе может проходить параллельно с распространением переносных употреблений в бытовой, публицистической, профессиональной и др. сферах общения. В результате становится возможным появление различного рода производных, например, зафиксированных в словаре Е. С. Отина прилагательных *голгофный* и *голгофский*. Не исключается и вторичная топонимизация, ведущая к появлению структурно тождественных коннотониму географических имен. Наконец, наиболее интересным, с нашей точки зрения, является новый виток поэтонимизации. В этом случае от коннотонима образуется вторичный литературный или поэтический топоним (терминология Е. С. Отина) или топопоэтоним (в терминах В. М. Калинин). В качестве примера этого явления в «Словаре коннотативных собственных имен» приведено название пригорка *Петрокова Голгофа* в повести В. Быкова «Знак беды» [2: 118].

О. Мандельштам широко использовал топонимы в стилистических целях. «Рижское взморье – это целая страна. Славится вязким, удивительно мелким и чистым желтым песком (разве в песочных часах такой песочек!) и дырявыми мостками в одну и две доски, перекинутыми через *двадцативерстную дачную Сахару* [3: 21]. Природа эстетического воздействия этой конструкции “полифонична”. Отношение между компонентами, с одной стороны, задано гиперболой; с другой, наложенным на нее ограничением. Поэтика имен, кроме сопоставления объектов по “основному” атрибуту, “*несочку*”, – “в контрасте между ироническим содержанием “лимитированной” двадцатью верстами гиперболы и несомненно любовным отношением памяти к описываемой местности” [3: 213]. Если постепенно редуцировать информацию, содержащуюся в приведенном отрывке, то на определенном шаге можно увидеть саму сравнительно-отождествительную конструкцию и понять, что именно послужило основанием для сравнения. Дистантное размещение компонентов. Компоненту А предцировано апеллативное (определение + апеллатив) сравнение. Компонент Б имеет при себе определение. Редуцированное высказывание можно представить в виде: *Рижское взморье – двадцативерстная дачная Сахара*. Здесь дистанция между компонентом А сравнительной конструкции и компонентом В играет роль «ослабителя».

В связи с распространенностью в прозе О. Мандельштама такого рода осложненных дополнительных ассоциациями, реминисценциями и аллюзиями сравнений, метонимий, метафор и т.д. с топонимным компонентом приведем еще несколько примеров. 1) «*Война и мир*» *продолжается. Намокшие крылья славы бьются в стекло: и честолюбие, и та же жажда чести! Ночное солнце в ослепшей от дождя Финляндии, конспиративное солнце нового Аустерлица!*» [3: 40].

Малодистантное размещение компонентов. Сравнению предшествует мотиватор (“Война и мир”) Компонент А (солнце в *Финляндии*) имеет интратекстуальный имплицитный мотиватор-определение (ночное). Компонент Б имеет при себе художественные определения. Конструкция восстанавливается в виде: *Ночное солнце Финляндии – конспиративное солнце нового Аустерлица*. Основание сравнения – поражение. *Аустерлиц* – не топоним, а хрононим.

2) “Карантинная слободка, лабиринт низеньких мазаных домиков с крошечными окнами, зигзаги переулочков с глиняными заборами в человеческий рост, где натыкаешься то на обмерзшую веревку, то на жесткий кизильовый куст. **Жалкий глиняный Геркуланум**, только что вырытый из земли, охраняемый злобными псами. Городок, где днем идешь, как по мертвому римскому плану <...>” [3: 53]. В приведенном примере можно наблюдать сложную мыслительную деятельность сознания поэта, выстраивающего ряды сопоставлений и постепенно редуцирующего промежуточные этапы. Именно поэтому словосочетание *жалкий глиняный Геркуланум* превращается в изысканную метафору.

3) “Но как оторваться от тебя, милый **Египет вещей**? Наглядная вечность столовой, спальни, кабинета. Чем заглядить свою вину? Хочешь **Валгаллу**: Кокоревские склады” [3: 59]. Здесь снова наблюдается выход онимов за пределы собственно “топонимических” значений и привлекающая внимание метафоричность образного строя прозы О. Мандельштама.

В связи с личностью О. Мандельштама, его “особым” внешним видом, напомним очень своеобразное использование топонима как основы образа в тексте, принадлежащем перу М. Цветаевой: “Вокзал. Слева, у меня над ухом, на верблюжьей шее взволнованный кадык – **Александровым** подавился как яблоком” [4: 306-346]. В этом фрагменте (из воспоминаний М. Цветаевой о пребывании у нее в гостях Осипа Мандельштама) топоним *Александров* (“Город Александров Владимирской губернии, моей губернии, – Ильи Муромца губернии”) употреблен в значении ‘жизненные обстоятельства О. Мандельштама во время пребывания в городе Александрове’. Но и жизненными обстоятельствами, как известно, в прямом смысле подавиться нельзя. Второй слой метафоризации онима связан с легендой о появлении кадыка у мужчин (Адам, вкусивший предложенного Евой яблоко с древа познания добра и зла, подавился, увидев разгневанного Бога).

В творчестве многих русских поэтов топонимы становятся существенным компонентом образной системы. Так, в исследовании С. Н. Смольникова [5], посвященном Китежу – ключевому топониму поэзии Н. А. Клюева, отмечена важная роль топонимии как средства образности. Исследователь отмечает: “Основу топонимикона составляют географические названия, обладающие культурной семантикой (*Александрия, Багдад, Волга, Дон, Сибирь, Звенигород, Чернигов, Рязань, Кострома, Новгород, Псков, Париж, Чикаго* и др.). Физическое пространство в поэзии Клюева часто сакрализовано: топонимы связаны с ветхозаветной историей и историей христианства (*Арарат, Египет, Палестина, Вавилон, Евфрат, Нил, Византия, Афон* и др.), русского православия (*Корсунь, Москва, Киев, Радонеж, Саров* и др.), старообрядчества (*Пустозерск, Выг, Данилова, Соловки, Керженец* и др.)” [5: 90]. Очень любопытным, по нашему мнению, в этом перечне является то, что все без исключения топопоэтонимы обладают ярко выраженной культурной составляющей семантики. “Значение географических названий в текстах Клюева значительно шире пространственного понятия. Формирование образной семантики осуществляется за счет актуализации в тексте компонентов культурного фона топонимов” [5: 90].

Распространенное в топонимии явление стало поводом для художественного осмысления его в романе Л. Костенко «Берестечко». О топонимии этого произведения писали Ю. А. Карпенко и В. М. Калинин и другие ученые. Как замечено Ю. А. Карпенко и М. Р. Мельник, “поетеса не схильна до творення нових онімів – їй вистачає нових під-

ходів до онімів існуючих” [6: 19]. Какими же новими подходами к существующей топонимии отмечено творчество Л. Костенко? Прежде всего, это неспецифическое употребление: «Дві третини вжитих у романі топонімів зовсім (чи майже зовсім) не вказують на ті об’єкти, позначками яких слугують . <...> Текст “Я воскресаю і знову гину. | Несу свій хрест на свої Голгочі” не означає, що Богдан Хмельницький прямує у Підгаєцький район Тернопільської області, де й знаходиться нині зникле село **Голгоча** з хутором **Нові Голгочі**. Використано фонетичний перегук назв **Голгоча** – **Голгофа**, щоб виразити думку про хресний шлях гетьмана (“Лежу розп’ятий, та вже раз п’ятий! |...| Долоні мої процяховані ятряться”), про те, що в Україні, на жаль, є й свої Голгофи...» [6: 152-153]. В большой “топонимической партии”, “топонимической поэме” как её назвал Ю. А. Карпенко, некоторые из топонимов определенно употреблены не столько как указание на тот или иной населенный пункт, сколько как слова, смыслом своих названий, внутренней формой подчеркивающие призыв гетьмана, обращение к народу с просьбой о помощи:

*А де ж мої Немиринці і Гнівань,
Велике Дрюкове, Драчі, Шабельники?!
Мій Лютіж, мій Перечин и Суцани
<...>
Великі Бубни – що ж задубли ви? [7: 20]*

Другие топонимы, снова через обращение к внутренней форме, должны, по замыслу поэтессы, вызвать в памяти образы врагов-завоевателей. В монографии «Літературна ономастика Ліни Костенко» Ю. А. Карпенко отметил: “Підбором українських топонімів різкого тюркського звучання (хоч генетично не все те – тюркізми) поетеса створює аудіальний образ ворожої сили, а потім і називає ту силу по імені – переліком ойконімів, утворених від назв народів”.

*А оніно
Халча, Шандра, Кандиби.
Келеберда. Калга. Темрюк. Ташлик.
Оце ваш слід, прибуду і задиби,
отой татарський клетіт – Казарлик!
Бербері. Печеніги. Карачаївці.
Підляшки. Годи-Турка. Москалі.
Відчаялись. Втомилась. Призвичаїлись.
Чунгул, Пекельне – на своїй землі! [6: 156-157].*

В этой части текста романа упомянуты еще и *Печеніги, Карачаївці, Підляшки, Годи-Турка, Москалі* – целый список посягателей на независимость Украины. Досталось “под горячую руку”, как заметил Ю. А. Карпенко, и ни в чем не повинным *берберам*.

Пейоративная окрашенность целого ряда упомянутых топонимов призвана подчеркнуть тяготы и ужасы жизни украинского народа.

*Скрізь Лиховки, Недогарки, Топильно.
Погарицина і Рубані Мости.
Зарубинці. Попільня. Попелюхи.
Полонне. Погорільці. Гробове.*

*Нежиловичі. Несолонь. Свинюхи.
Кальне Грузьке, Холодне і Криве!* [7: 21]

Все эти ойконимы с возрожденной к особой жизни внутренней формой вместе с еще несколькими (*Старі Червища, Нові Безрадиці, Нова Голгоча, Мала Глумча, Семимоголи*) как бы подводят итог осмотру Украины, совершенному гетьманом, и приводят его к совершенно справедливому выводу:

*Усім вітрам відкритий на Роздолі,
на Кусоньки подертий у ярмі –
великий край Неданової Волі!
Хто ж волю дасть, як не взяли самі?! [7: 22]*

Но и в тех случаях, когда топонимы употреблены специфически, т.е. по своему основному назначению, для указания места, как отмечают исследователи [6: 185], они, помимо локализирующей, выполняют другие функции, являясь прежде всего символическими знаками. И, как это свойственно прежде всего поэзии, некоторые интерлингвальные топонимы употребляются метафорически. При этом сама возможность метафорических и сравнительных употреблений предопределена коннотативными семами этих топонимов (*“І я димів, як попів Карфагена”, “То їхня слава проросла Сибіром”, “Все нас руйнують, як ахейці Трою”*), в этом же ряду встречаются и собственно украинские топонимы: *“Душі моєї грізний Ненаситець / ще не приборкав ні один поріг”* [6: 186].

Топопозтонимы в творчестве настоящего художника слова представляют собой необыкновенно богатый образными возможностями слой онимной лексики. Тщательный анализ поэтических употреблений реальных топонимов в значительном по объему и художественному качеству материале позволит, по нашему мнению, разобраться в речевых процессах и языковых механизмах формирования коннотонимии как особого лексического разряда.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Набоков В. В. Собрание сочинений : В 4 т. / В. В. Набоков. – М.: Художественная литература. – Т. 1. – С. 189.
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
3. Мандельштам О. : Сочинения : в 2 т. / О. Мандельштам / сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; коммент. П. Нерлера. – М. : Худож. Лит., 1990. – 464 с.
4. Цветаева Марина. История одного посвящения / Марина Цветаева // Собрание сочинений / О. Э. Мандельштам. – М.: “ТЕРРА”, 1991.– Т. 3, 4. – С. 306-346.
5. Смольников С. Н. Мифологема-топоним “Китеж” в поэтической системе Н. А. Клюева / С. Н. Смольников // Клюевский сборник / Вологод. пед. ун-т ; отв. ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда: Легия, 1999. – Вып. 1. – С. 88–108.
6. Карпенко Ю. О. Літературна ономастика Ліни Костенко : моногр. / Ю. О. Карпенко, М. Р. Мельник. – Одеса : Астропринт, 2004. – 216 с.
7. Костенко Л. В. Берестечко : істор. роман / Л. В. Костенко. – К.: Укр. Письменник, 1999. – 157 с.

8. Калінкін В. М. Поетика онімного простору. Роман Ліни Костенко «Берестечко»/ В. М. Калинин, Ю. В. Лінчицька // Филологические исследования. – Донецк, 2000. – Вып. 2. – С. 217–230.

Канна В.Ю., канд. філол. наук, доцент
Маріупольський державний університет, Маріуполь

КОНОТОНІМИ В СТРУКТУРІ ПОЕТИЧНОГО ТЕКСТУ

У статті представлені зразки творчого використання образного потенціалу топонімів. Показана важливість вивчення поетичних творів для висновків про мовні процеси і мовні механізми формування конотонімів.

Ключові слова: образний потенціал, топопоетонім, конотонім.

Kanna V.Y., Ph.D (Linguistics)
Mariupol state university, Mariupol

CONNOTONYMS IN THE STRUCTURE OF POETIC TEXT

The article studies poetic usage of the figurative potential of topoetonyms. It shows the importance of studying poetic works for the conclusions made about speech processes and language mechanisms of connotonym formation.

Key words: figurative potential, topoetonym, connotonym.

УДК 811.161.2'38

Селігей П. О., канд. філол. наук, старший наук. співробітник
Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України, Київ

СКАЗАТИ БАГАТО НЕБАГАТЬМА СЛОВАМИ... (СТИСЛІСТЬ ЯК НОРМА НАУКОВОГО СТИЛЮ)

У статті обґрунтовується стислість як фундаментальна комунікативна якість наукового мовлення. Лаконізм викладу відповідає як природі наукового пізнання, так і інтересам читача. Показано, як відомі письменники й учені досягали стислості своїх текстів.

Ключові слова: стислість, лаконізм, комунікативна якість, наукове мовлення, науковий стиль.

Між обсягом інформації та мовними засобами, які її виражають, немає однозначної відповідності. Той самий зміст можна викласти стисло й згорнуто, а можна – розлого й надлишково. Це явище інтуїтивно відчували навіть ті, хто не знав про асиметрію мовного знака: «Будь-яка ідея, будь-яка книжка... може бути висловлена в одному реченні або розгорнута на двадцять томів» (соціолог Ч. Р. Міллс) [26: 31], «Не варто писати цілу

© Селігей П. О., 2016